

Автор публикуемого ниже эссе Маисса Бей (р. 1950) - талантливая алжирская писательница наших дней, родилась в «пламенные годы» национально-освободительного движения в родной стране, осталась ей верной в тяжелое время гражданской войны, вспыхнувшей у нее на Родине уже в начале 90-х гг. XX в., сейчас работает в алжирской глубинке.

Работает много и плодотворно (ее перу принадлежит уже более двух десятков произведений¹, среди которых и романы, и повести, и сборники рассказов, и публицистика). Но что особо значимо, Маисса Бей пишет по-французски. Может быть, именно поэтому творчество писательницы известно далеко за пределами ее любимого Сиди Бель Аббеса и даже в России (в журнале «Азия и Африка сегодня» печатались ее новеллы)².

Но, на мой взгляд, признание и на Родине, и за рубежом к Маиссе Бей пришло главным образом потому, что в ее книгах сохранены лучшие традиции алжирской литературы, рожденной на рубеже колониальной и постколониальной эпох, и запечатлены в прекрасной художественной форме «осевые» проблемы и память об Алжирской войне (1954-1962), и окружающей повседневности настоящего, той близкой всем нам современности, где встречаются, пересекаются, особо остро звучат вопросы, волнующие умы и сердца людей разных стран и народов. Алжирская специфика, не исчезая со страниц книг Маиссы Бей, становится частью забот современного мира, где столкнулись уже, встретившись, разные этносы, разные конфессии, разные культуры. Но когда писательница, женщина, живущая в мусульманской стране, совершает попытку показа того, как гармонично и спокойно, продуктивно и перспективно сосуществуют в одном человеке атрибуты разных цивилизаций, не обрекая себя на выбор только одной из них, но наделяя его особой силой обладания всеми сразу, - это сегодня можно оценить как подвиг.

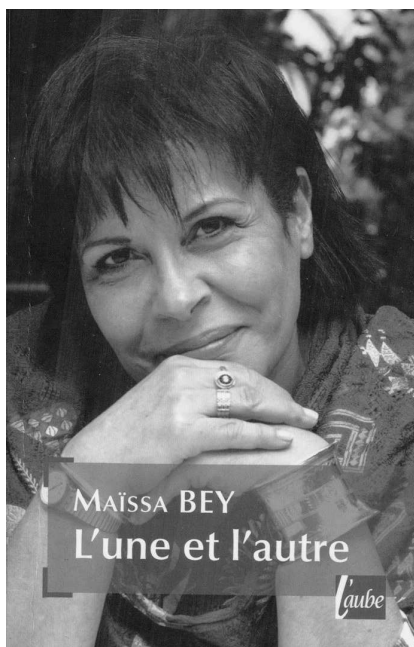
В окружающей писательницу реальности много «болевых точек» - и засилье косных традиций жизни и религиозных догм, и бездна социальных противоречий, не совместимых во многом с теми ценностями, которые исповедует Маисса Бей. Не всем алжирским писателям удалось сохранить свое культурное «двуединство», свой литературный билингвизм, свою любовь к непреходящему значению лозунга французских гуманистов: «Свобода, Равенство и Братство».

Некоторые пережили как трагедию свой «языковой» отрыв от родных арабских корней, создав лучшие свои произведения на французском. Маисса Бей написала об этом просто, как о явлении естественном, исторически оправданном (и даже становящемся в наши дни широко распространенным в странах Магриба, - добавим мы). Может быть, «глобализация» со временем сотрет необходимость оправданий в том, что человек имеет право быть «и тем, и другим». В «единстве многообразия» - залог будущего развития человечества, живущего надеждой на лучший мир, на «открытые горизонты», несмотря на трудное бремя, или даже тяжелую ношу: необходимость (или умение) современных людей разумно распоряжаться драгоценным грузом огромного культурного наследия, которое досталось им от всех прошлых эпох. А может быть, благодаря этому?..

*С.В. ПРОЖОГИНА,
доктор филологических наук*

¹ См. например: «Au commencement etait la mer». P., 1996 (повесть); «Nouvelles de l'Algerie». P., 1998 (сб. новелл); «Cette fille-la», P., 2001 (повесть); «Entendez - Vous dans les Montagnes». P., 2002 (повесть); «Sous le jasmin de la nuit». P., 2004 (сб. новелл); «Surtout ne te retourne pas». P., 2005 (роман); «Bleu blanc vert», P., 2006 (роман); «Pierre Sang Papier ou Cendre». P., 2008 (эссе); и др. Подробно о писательнице см. нашу работу: «Женский портрет с Востока и Запада». М., 2007.

² См.: Азия и Африка сегодня, 2009, № 4.



И ТА, И ДРУГАЯ

МАИССА БЕЙ*

(Алжир)

Любая разность, во всяком случае, заметная, между двумя видами или расами, или просто двумя людьми, не обязательно сопряжена с конфликтом, отталкиванием, конфронтацией. Вначале, конечно, может возникнуть - при взгляде на нечто «незнакомое» - некое осознание «беспо-

койшей чуждости» (или «странности», если воспользоваться формулой Фрейда), удивленности, вопрошания даже, спровоцированные особенностью поведения, необычностью, новизной. Конечно, непониманием тоже. Однако можно всем этим пренебречь и приспособиться. Сосуществовать, не отрекаясь от всего того, что составляет черты личности. Хотя это, быть может, и не влечет за собой сильного желания познакомиться лучше. Но о каком знакомстве

* Bey M. L'une et l'autre. P., 2009. Отрывки из книги, написанной по материалам лекции, прочитанной Маиссой Бей на конференции в Рубо (Франция) «Встречи нового века» 20 ноября 2008 г.

идет речь? О привязанности, которая могла бы установиться у них друг к другу? Между вами и мной, например. Или речь идет попросту о том, чтобы мое собственное «я», которое и есть цель моего повествования, позволило вам признать и поглубже узнать всех тех, - «нас», к которым я принадлежу? «Нас» - это значит нашу национальность, наш язык, наши корни, нашу историю, этничность, религию, - т.е. стать ближе ко мне. К «моим». Не слишком ли на многое я претендую?

Очевидно, что я прибегаю к концепту «другого»... Но не для того, чтобы противопоставить «себя», но чтобы выразить «себя» под знаком «другого» - того, кто признан и кто принадлежит кругу «своих», себе подобных. Для того, чтобы пригласить его, «другого», взглянуть и в круг «моих», подобных мне. Вовлечь в разговор, предложить понять и «других». Опасная, конечно, затея - быть и объектом, и субъектом определенного дискурса, поле которого обширно и выходит далеко за границы только моего собственного «я».

Я сегодня ваш гость. Но я и та, которую принимают, и та, которая принимает. Вы меня принимаете в своем доме, а я - в обители моих слов, на пороге которой стою, широко распахнув двери... Могу ли и я сказать словами Октавио Паса*, что рождена в решающий момент для Истории моей страны, что я, в некотором роде, являюсь «главой» этой Истории? (Соблюдая все пропорции, конечно.) Истории, которую я не перестаю вопрошать во всех моих книгах.

И вопрос для меня прежде всего означает критерии моей идентичности. Те, что неоспоримы. Те, что наиболее заметны. Те, что составляют смысл моих писаний. Те, что говорят о моей национальности, о моем поле, моей религии, о моем поколении.

Да, я алжирка. Происхожу из семьи, глубоко приверженной к исламу, - следовательно, я - мусуль-

манка. И я - женщина, со всеми возможными значениями этого слова, тесно связанного с предыдущими.

То есть моя идентичность «привязана» к разнообразным ветвям, имеет многие значения. И если посмотреть на нее глазами другого, то в ней нет ничего исключительного, хотя и «корни» мои, и «ветви» - представляют сложное целое, и порой мне кажется, что они неотделимы от моей сущности.

К тому же, я рождена в середине прошлого века в тот период, который означил исторический «разрыв», был отмечен насилием, войной, антагонизмами разного рода, и для моего поколения не прошел даром. Маршрут жизни был сложным и отмечен немалыми трудностями. К этому надо добавить, что во мне «суживаются» языки и культуры, связанные именно с этим периодом Истории... Однако я прежде всего алжирка. То есть родом из Алжира. С той земли, о которой сегодня говорить словами А.Камю, наверное, не стоит. А он когда-то сказал о ней, что она «благословлена богами»...

Теперь ее сотрясают многочисленные катаклизмы, и «беспоощадность» Солнца, обжигающего ее, не уступает беспощадности людей, живущих на ней... Небо моей страны теперь задернуто тучами, оно низвергает грозы, громы и молнии, которые смешались на земле с грохотом орудий, со страхом и ненавистью воюющих друг с другом людей, которые, забыв о недавней истории, снова затеяли войну, и эхо ее слышно на всех берегах моря. Кажется, что на земле моей должен вот-вот лопнуть какой-то гнойник, от которого она давно ждет избавления...

Так вот, я - алжирка. Но я еще и арабка по своему происхождению. По своим предкам. По своей исторической генеалогии, корни которой уходят в глубокую древность арабских завоеваний Северной Африки... По линии отца племя мое связано с Бени Амёрами, а те - с Бени Хилялями, «Сыновьями религии полумесяца», пришедшими в страну в XI веке из далекой Аравии и Египта... Бедуины шли на запад, в Магриб, а эта их эпопея (сравнимая разве что с «Песней о Ролан-

де») оставила глубокий след в Северной Африке и способствовала ее арабизации. Об этих племенах писал Ибн Халдун (арабский историк, 1332-1406. - *Ред.*), сравнивая их набег с «налетом саранчи», хотя и восхищаясь их особой цивилизацией - кочевников, знающих толк не только в войне, в способе организации быта, приготовлении пищи, но и в поэзии, особой привязанности ее к природе, в особом понимании «искусства жизни».

Историки отмечали и их особое «воображение», то самое воображение, которое вдохновенно творит образ женщины... К этому надо добавить, что племя Бени Амёр - откуда я родом - было одним из племен, которые, по свидетельству колониальных историков, наиболее яростно сопротивлялись французскому захвату Алжира...

Арабское мое происхождение говорит о многом. Но я еще раз хочу остановиться именно на этом слове - «араб», которое французский словарь объясняет следующим образом: «уроженец аравийского полуострова». Ибн Халдун, говоря о специфике арабского языка, главным образом определяет арабов как «бедуинов», подчеркивая отличие их образа жизни (кочевого) от городской оседлости других народов... Есть и еще одно французское определение - в словаре «Литтре»: «Араб: ростовщик; жадный человек», - но можно ли его принимать всерьез? Говорят еще и о чистокровных арабских скакунах, которым нет равных в мире...

Вот такая «генеалогия». А еще есть и «культурная антропология», то есть «ансамбль» будничных практик жизни определенных групп населения, их обычаи, ритуалы, привычки, поведенческие модели и верования, - всё это тоже элементы, составляющие суть «арабскости».

Неразбериха часто возникает, потому что хотят выделить в «идентичности» что-то главное. Но быть мусульманином не означает обязательно быть арабом, хотя ислам изначально проповедовали на языке арабском, и эта религия играла значительную роль в становлении арабской идентичности, была ее неким «идентификационным ферментом»...

* Октавио Пас (1914-1998) - мексиканский поэт, эссеист-культуролог, переводчик, политический публицист, исследователь цивилизаций Запада и Востока, лауреат Нобелевской премии по литературе 1990 г. (*прим. ред.*).

Колониальная администрация и история объединили потом в «мусульманах» и «арабах» жителей Магриба, включая берберов (кабилы, шауйя и др.), имея в виду их исконную принадлежность к этой земле, религии и нравам, которые квалифицировались европейцами как «варварские», то есть если следовать Монтеню (в его определении индейцев или антильцев), «не похожие на те, что используют другие».

Таким образом, я - арабка по рождению, культуре и языку. И мусульманка, глубоко отмеченная исламской культурой и традицией.

Не желая воспевать часто идеализируемое прошлое, не ностальгируя по нему, я хотела бы только отметить, что я исповедую исламскую религию такой, какой я видела ее у верующих, что окружали меня. В их повседневной практике ислам был глубоко личной религией, черпающей свою светлую силу в спокойной и безграничной вере, в опоре на вековые традиции, исполненные терпимости и открытости. Это была религия, весьма далекая от того образа, который создан сегодня яростными защитниками ее «чистоты».

Итак, ислам и язык, его сакральный язык, то есть арабский. Но в моей «идентичности» есть и другой язык - материнский, родной мне алжирский диалект арабского или «разговорный» арабский, отличающийся от «письменного», «литературного». И этот язык я впитала с детства с молоком матери, на нем произнесла свои первые слова, на нем заговорила, чувствуя, как я постепенно осваиваю окружающий меня мир, овладеваю им. Это язык, на котором я говорю ежедневно и на котором говорят люди вокруг меня. Он мне привычен и обычен, - слова, точно определяющие суть его отличия от других языков. Это язык, который первым обрисовал для меня контуры моего мира. Этот язык отличен от классической его матрицы, засорен и наводнен всякого рода лингвистическими заимствованиями, словами, характерными и для других этнических групп населения, которые укоренились на этой земле в течение многих веков. Это - живой, подвижный язык, много-

цветный, со своими неповторимыми идиомами, вариациями чужого произношения, язык, «изгнанный» когда-то из мест, где обучали Знанию, наукам на языке классическом, но и сегодня все еще запрещенный в официальной практике.

Во времена французского господства мы не имели права разговаривать на нем в школе - светской и республиканской. И это было в порядке вещей: царила культурная и лингвистическая гегемония колонизаторов. Но что парадоксально, так это то, что и сегодня, в эпоху Независимости, дети в школах говорят на родном языке разве что только на переменах: теперь царит «арабизация», и все предметы преподаются на арабском классическом... Таких «арабизаторов» еще Мустафа Лашраф, бывший министр национального образования, называл «приверженцами идеологического арабизма, а не истинными исповедниками арабской культуры»... Они, эти «арабизаторы», действительно считают алжирский диалект, родной язык алжирцев, недостаточно «чистым», «замутненным» не собственно арабскими «включениями», «чужеродными» и просто «чужими». Таким образом у народа конфисковано его право на естественное самовыражение. Как пишет Абду Элимам, народ «приучают ненавидеть свой собственный язык, а это порождает ненависть к самим себе»... Язык и насилие ассоциируются в образе странном, рождающем в душах и сознании людей вопрос: как это можно быть «чужим» по отношению к собственному языку? Но также может возникнуть и другой вопрос: как можно не чувствовать себя «чужим» в отношении того языка, который вам - не родной, но на котором (и я имею в виду себя) ты пишешь, который ты часто используешь? Я рассматриваю французский язык тоже как «собственный», как «свой». Он оставлен мне в наследство моим отцом, учителем. Язык - наследие. Ведь и я одна из тех, кто проник когда-то в открытые двери французского образования и сделал свой выбор. Это язык того места, которое окончательно определило нашу культуру. Да, это язык «другого», но он теперь и «мой», потому что был мной усвоен, стал и

моей собственностью. Это «место» хорошо инвестировало в нас культуру другого. Она была нами тоже как бы «оккупирована». Окончательно. Я поясню.

Я родилась в среде, где сосуществовали без всяких проблем два языка, две культуры, два образа жизни. И я совершенно естественно переходила из одного мира в другой, не осознавая ни их «антагонизмов», ни их «несовместимости».

На ферме у моего деда, устроившись на циновке, брошенной на пол, я ела вместе с другими женщинами за низеньким столиком; женщины ели отдельно от мужчин, ибо в доме деда существовало, по исламскому обычаю, «разделение полов». Я говорила по-арабски со своими тетками и кузинами. Я подхватывала припевы их песен, которые пели они по вечерам. Прижавшись к бабушке, я дрожала от страха, слушая ее сказки, где царили всякие злые «духи», огромные людоеды, приходящие по ночам в дом за непослушными детьми... Там, у деда, я играла с куклами, которые мы делали сами из тростника и тряпчечек.

А у себя дома, в квартире, которая располагалась в школе, где преподавал мой отец, были другие книжки, и мне их читали по-французски, по вечерам, когда я уже лежала в своей белой деревянной кровати. Я слушала про Белоснежку и Золушку - это были мои любимые сказки, и вокруг меня были мои целлулоидные куклы, нежно-розовые, с голубыми глазами, белокурые... А во дворе я играла с детьми, которых звали Женеьеве, Николь и Мартина. Они были моими товарищами, такие же дети учителей, как и я. Я пела вместе с ними другие песни, по-французски, меня научила им моя мама, и когда наша семья обедала, мы сидели за столом все вместе... И ничего особенного я в этом не видела, не ощущала никакой несовместимости с тем, что было в доме деда. И именно это «взаимопроникновение» двух образов жизни, питавшее мое детство, определило впоследствии и мое поведение, и мое мировоззрение, мои вкусы, мои пристрастия.

И еще: книги очень рано вошли в мою жизнь. Они запленили, за-

полнили ее, заняли почти все то место, которое мне было отведено жизнью. Я имею в виду время, чтобы учиться жизни или просто жить.

И это были слова «других» людей, научивших меня мировоззрению. Научивших меня Жизни.

Я - читательница. Увлеченная, страстная чтица книг, почти помешанная на книгах. До такой степени люблю книги, что не могу с ними расстаться ни на миг. Они мне необходимы, они мне доставляют удовольствие, можно сказать даже, что они - главный предмет моих желаний. Моя пища. Я порой сыта словами: я просто «пожираю» их.

В юности обожала историю. Хотела прочитать все книги. Лишь бы читать. Я была под обаянием многих авторов, разнообразных стилей, литературных течений. Все они захватывали меня, вовлекали, опутывали своими сетями. Я увлекалась и любовными романами, и приключенческими повестями... И я была всегда на стороне героев «непокорных», хотя сама не могла всегда сказать «нет». Я объехала весь свет, пересекала моря, видела разные континенты, не выходя за пределы своего квартала, или - реже - своего городка. Я открывала для себя новые слова - безумные слова Любви, хотя никогда и не имела права произносить их вслух. Я смеялась, плакала, страдала, носила траур по своим любимым героям, сама еще ни разу не соприкоснувшись со смертью, - настоящей. Я страстно желала чьих-то побед или поражений, в то время как вокруг меня палачи уже точили свое оружие... Ребенком и в ранней молодости я всегда по-настоящему дружила с героями своих книг, с людьми взрослыми, а не со своими сверстниками... Это они, люди, сошедшие со страниц моих книг, доверяли мне свои самые сокровенные мысли, были мне очень близки; и мужчины, словно между мной и ними образовалось некое братство, и они делили со мной «хлеб-соль», то есть правду своих слов об их жизни...

Это мой отец, прежде чем погибнуть, научил меня читать на «другом» языке... Это мой отец, за несколько недель до расстрела, зная, конечно, об опасности, которая ему грозила, когда он вошел в

движение Сопротивления колониализму, настойчиво просил мою мать проследить за дальнейшим образованием их детей, по возможности дать им как можно больше времени для учебы...

А ведь мой отец был обычным «туземцем», хотя некоторые могли бы сказать, что он был примером успешной «интеграции» до тех пор, пока не стал «повстанцем». Правда, не в том смысле этого слова, о котором извещали коммюнике французской армии, определявшие «повстанцами» всех тех, кто сражался уже в городах и в горах с французами, не желавшими признавать жестокую реальность начавшейся всенародной войны, принесшей многие тысячи жертв... «Повстанцем», «сопротивленцем» отец был уже в ранней молодости, избрав свой путь жизни, определив свои предпочтения. Он точно знал, где пролегает граница, отделявшая его от других. Так, именно отец восстал против семейной традиции жизни, следуя которой, он - сын крестьянина (а дед был скотоводом, имел несколько аршинов своей земли), должен был идти по стопам своего отца и обрабатывать землю, и заниматься скотоводством по наследству... А он решил учиться, бросив вызов консервативной семье в эпоху, когда даже сам факт посещения французской начальной школы воспринимался алжирцами как «служение колонизаторам»... Многие считали тогда, что французы, приобщая алжирских детей к своему языку, делали из них «ренегатов» своей национальности, своей религии.

Но несмотря на все угрозы со стороны «националистов», отец блестяще закончил пединститут, пренебрегая и сопротивлением семьи, не видевшей никакого смысла и «прока» в полученном их сыном образовании, - разве что желание его «помериться силами» с «руми»-французами и таким образом оправдать свой выбор жизненного пути... Но почему все-таки отец решил отмежеваться от «своих», от своего «сообщества»? Почему ни его братья, ни, конечно, сестры не последовали за ним, не бросили вызова Традиции их жизни? Я этого уже никогда не узнаю...

А отец, поначалу закончивший

французскую среднюю школу, потом пединститут в Бузареа в эпоху, когда колонизаторы едва только восприняли саму идею, что «туземцы» могут тоже проявлять свои интеллектуальные способности не хуже французов и даже иногда превосходить своих соучеников европейского происхождения, живущих на той же земле, что и сами алжирцы, но считавших, что «их цивилизация» и «их культура» были «выше» алжирской, а себя самих - более «высокого достоинства», не желали «туземцы»...

Вспомним, что еще в 1918 г. один психиатр, д-р Поро описывал североафриканца как носителя многочисленных «изъянов» и «пороков», не позволявших ему заниматься какой-либо значительной интеллектуальной деятельностью. Однако голоса сторонников «интеграции» раздавались уже по ту и по другую стороны моря. Для них «туземец», приобщившийся к европейской цивилизации, ее культуре, мог бы «передать» свои знания своим собратьям, глубоко укоренить их в умах алжирцев, исполнив таким образом благородную миссию, которая совпадала с «цивилизаторской» задачей самих колонизаторов. Во всяком случае, они надеялись на ее решение. Но помнили они и о том, что еще в 1894 году депутат от Алжира, выступая во французском парламенте, «запустил» сигнал тревоги: «Если у нас появятся образованные туземцы, способные понимать последние достижения научного прогресса, тогда не за горами будет время, когда разразится потрясающее их восстание».

И на самом деле, идеалы Великой Французской революции 1789 года прочно укоренились в умах тех, кто поднял это восстание в 1954 г. Свобода, Равенство, Братство стали дорогами умам сотен юношей, отцы которых испытали колониальное унижение, несправедливость, беззаконие по отношению к «туземцам», низкий статус которых был закреплен в специальном юридическом кодексе.

*Перевод с французского
С.В. Прожогиной*

(Окончание следует)